

И. Н. Потапенко

На действительной службе

**Деревенский роман и другие
повести и рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И. Н. Потапенко
И11 На действительной службе: Деревенский роман и другие повести и рассказы
/ И. Н. Потапенко – М.: Книга по Требованию, 2021. – 550 с.

ISBN 978-5-517-97584-3

Сочинения. Том 2. На действительной службе. Деревенский роман и другие повести и рассказы из духовного быта: Шестеро.-Исполнительный орган.-Октава.-Жены.-Блудный сын.-Крылатое слово.-Игра слов.-Надежда и упование.-Искушение.-Овца.

ISBN 978-5-517-97584-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ.

П О В Ъ С Т Ъ .

I.

Среди встрѣчающей публики, наполнявшей огромный сараяобразный залъ желѣзнодорожнаго вокзала, рѣзко выдѣлялись двѣ фигуры. Обѣ онѣ принадлежали къ духовному сословію и были одѣты въ длинныя рясы. Но на этомъ кончалось сходство между ними, и, взглянувшись въ нихъ повнимательнѣе, сейчасъ же можно было догадаться, что это люди разныхъ положеній. Тотъ, что стоялъ у круглаго афишнаго столба и внимательно читалъ распределеніе поѣздовъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ къ духовной аристократіи губернскаго города. На немъ была темно-зеленая атласная ряса; на груди его красовался большой крестъ на массивной цѣпи и еще что-то на цвѣтной лентѣ. Полныя щеки его, молочнаго цвѣта, окаймлялись сѣдовой растительностью, которая внизу сгущалась и впадала въ широкую тщательно расчесанную бороду. На рукахъ были черныя перчатки, на головѣ—темно-сѣрая мягкая пуховая шляпа. Отъ времени до времени онъ вынималъ изъ-подъ рясы массивныя золотыя часы и повидному былъ недоволенъ, что время идетъ не такъ скоро, какъ ему хотѣлось.

Другой помѣщался на скамейкѣ въ самомъ углу, прижатый огромнымъ узломъ, принадлежавшимъ какому-то толстому мѣщанину, который сидѣлъ рядомъ. Прежде всего бросалась въ глаза его совершенно сѣдая, очень длинная

борода, которая казалась еще длиннѣе оттого, что онъ склонилъ голову, такъ что борода касалась колѣнъ. На колѣняхъ лежали руки съ длинными, неуклюжими пальцами и съ выпуклыми спинными жилами. Полы сѣрой порыжѣвшей отъ времени рясы раздвинулись, и изъ-за нихъ выглядывали большіе сапоги изъ грубой юхты. Старикъ былъ тонокъ, сухощавъ и сильно сутуловатъ. Блѣдное лицо его казалось мертвеннымъ, благодаря тому, что онъ закрылъ глаза и дремалъ. Но иногда шумъ, происходившій на платформѣ, заставлялъ его просыпаться; онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ обводилъ взоромъ многочисленную публику, къ которой повидимому не привыкъ, и потомъ, какъ бы сообразивъ, въ чемъ дѣло, опять погружался въ дремоту.

Духовному лицу въ атласной рясѣ надоѣло, наконецъ, изучать расписание поѣздовъ; оно уловило минуту, когда сидѣвшій въ сѣрой рясѣ открылъ глаза, и подошло къ нему. Послѣдній тотчасъ же быстро схватился, всталъ и по возможности выпрямился.

— Смотрю, смотрю, знакомое лицо... и не могу опредѣлить, гдѣ я могъ васъ видѣть!—сказало лицо въ атласной рясѣ пріятнымъ баритономъ съ растяжкой.

— А я такъ сію минуту узналъ васъ, отецъ-ректоръ!.. Я, ежели изволите помнить, діаконъ села Устимьевки, Игнатій Обновленскій.

Ректоръ выразилъ удовольствіе, смѣшанное съ удивленіемъ.

— Обновленскій... Обновленскій... Вашъ сынъ... Да, да, да, да! Такъ вы отецъ Кирилла Обновленскаго?! Очень пріятно, очень пріятно!.. Хорошій былъ ученикъ, образцовый!.. Знаете, вѣдь мы за него получили благодарность отъ академіи... Какъ же, какъ же!.. Очень, очень пріятно! Что же онъ теперь? Кончилъ?

Дьяконъ Игнатій Обновленскій былъ видимо обрадованъ одобреніемъ столь важнаго лица, какъ ректоръ семинаріи. Въ его большихъ глазахъ заиграли искры, и самыя глаза увлажнились. Онъ готовъ былъ плакать отъ восторга всякій разъ, когда столь лестно отзывались о его младшемъ сынѣ Кириллѣ.

— Ахъ, ваше высокопреподобіе, онъ кончилъ... первымъ магистрантомъ кончилъ... Да, первымъ магистрантомъ.

— Ну, и что же, оставленъ при академіи? Первыхъ всегда оставляютъ.

— Нѣтъ, не оставленъ!

И голосъ дьякона вдругъ дрогнулъ и понизился. Старикъ былъ смущенъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, первыхъ всегда оставляютъ, а Кириллъ не оставленъ? Почему же онъ не оставленъ? Писалъ вѣдь онъ: «дорогіе, говоритъ, мои старики, ѣду я къ вамъ и больше уже отъ васъ не ѣду»... значить, не оставленъ...

— Гмъ... Это странно!.. — сказалъ отецъ-ректоръ. — Признаюсь, даже не понимаю.

У дьякона задрожала голова; сердце его сжалось не то отъ какого-то непонятнаго дурнаго предчувствія, не то отъ стыда передъ отцомъ-ректоромъ за то, что его сынъ, за котораго семинарія даже благодарность получила, все-таки не оправдалъ полностью всѣхъ надеждъ.

— И я не понимаю!..—почти шепотомъ сказалъ онъ. Что-то стояло у него въ горлѣ и мѣшало говорить.

— А я вотъ племянника жду. Тоже академикъ. Вмѣстѣ съ вашимъ Кирилломъ въ академію отправили. Сюда и назначенъ, въ нашу семинарію,—сказалъ отецъ-ректоръ, какъ бы желая загладить впечатлѣніе несприятнаго разговора.

Но дьяконъ уже не слушалъ его. Глухой звонъ, доносившійся съ платформы, свидѣтельствовалъ, что поѣздъ уже близко. Онъ засуетился, весь задвигался и ринулся къ двери, куда хлынула встрѣчающая публика. Черезъ минуту онъ былъ на платформѣ и съ трепетнымъ замедленіемъ сердца слѣдилъ глазами за приближавшимся поѣздомъ. Онъ внимательно присматривался, не увидитъ ли издали дорогую голову своего сына гдѣ-нибудь въ окнѣ вагона, но, разумѣется, ничего не видѣлъ. Поѣздъ съ торжественнымъ гудѣніемъ вкатился подъ высокую стеклянную крышу вокзала. Дьяконъ застылъ на мѣстѣ и съ растеряннымъ видомъ смотрѣлъ разомъ на выходы изъ всѣхъ вагоновъ. Въ глазахъ его все путалось и смѣшивалось. Казалось, онъ видѣлъ всѣхъ выходящихъ и суетливо снующихъ по платформѣ съ чемоданами и узлами, слышалъ разговоры, привѣтствія, поцѣлуи, но въ то же время все это для него было точно во снѣ. Вѣдь это вонъ тамъ отецъ-ректоръ облобызалъ молодого человѣка съ дорожной сумкой, одѣтой черезъ плечо, а потомъ пожалъ руку другому молодому человѣку, высокому, блѣдному, съ длинными русыми волосами, висѣвшими изъ-подъ шляпы, съ небольшими усиками и бородкой клиномъ.

Вотъ они идутъ сюда. Высокій молодой человѣкъ даже не идетъ, а почти бѣжитъ, а у него, у дьякона, сердце такъ вотъ и замираетъ, голова кружится и ноги дрожатъ, и ужъ совсѣмъ не понимаетъ онъ, что это такое дѣлается. Онъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ Кирилла и не хочетъ отпустить его, цѣлуетъ его въ голову и не хочетъ перестать, словно это не свиданіе, а разлука. Кириллъ силой вырвался отъ старика.

— Ну, ладно, ладно, поцѣлуемся еще!..—сказалъ онъ крѣпкимъ басоватымъ голосомъ. — Тамъ багажець есть, надо получить.

Старикъ покорно послѣдовалъ за нимъ. Онъ то забѣгалъ впередъ, то отставалъ, попадалъ не въ ту дверь, тащилъ чужой чемоданъ, но ничего не спрашивалъ, а только жадно глядѣлъ на высокую фигуру своего сына, на его походку, на длинныя ноги, на черный казенный сюртукъ, и отъ всего приходилъ въ умиленіе.

Когда они получили чемоданъ и сѣли на извозчика, Кириллъ спросилъ:

— А Мурка здорова?

— Марья Гавриловна? Слава тебѣ, Господи! Ждетъ тебя!..

— Что же она встрѣчать не пришла?

— Желала, очень желала. Да матушка, Анна Николаевна, не дозволила. Дѣвицѣ, говорить, неприлично.

— Ну, а мать, сестра, братъ Назаръ? здравствуютъ?

— Кланяются. Назаръ въ священники просился, да отказалъ владыка. Еще, говорить, послужи.

А самъ дьяконъ въ это время подумалъ: «Сперва о Муркѣ своей спросилъ, а потомъ о матери. Не порядокъ».

— Куда держать прикажете?—спросилъ извозчикъ, которому забыли сказать это.

— Въ соборный домъ, въ соборный домъ!—поспѣшно сказалъ дьяконъ и прибавилъ, обращаясь къ сыну: — Мы къ о. Гаврилу заѣдемъ, тамъ и лошади мои стоятъ... Шокушаемъ, да и въ Устимевку, къ вечеру дома будемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... переночевать надо... дѣло есть: Надобно побывать у пресвященнаго!

Хотѣлъ старикъ спросить: зачѣмъ? да воздержался. А между тѣмъ въ головѣ его копошились неприятныя мысли: «Первымъ магистрантомъ кончилъ и къ пресвященному. Зачѣмъ? — думалъ онъ: — къ пресвященному ходитъ нашъ братъ—простой человѣкъ. Ну, тамъ во священника,

либо въ діакона просится. А то магистрантъ, первый магистрантъ... Чего ему?» Но, подавленный восторгомъ по поводу того, что горячо любимый сынъ наконецъ прїѣхалъ и сидитъ рядомъ съ нимъ на дрожкахъ, старикъ молчалъ, отложивъ свои вопросы на послѣ. А сынъ не догадывался о его думахъ. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ и удивлялся разнымъ переменамъ въ губернскомъ городѣ за послѣдніе два года. Строятъ новую церковь, замостили Вокзальную улицу, не мало новыхъ домовъ выросло.

— Растетъ наша губернія!—замѣтилъ онъ вслухъ:— и соборный домъ заново окрашенъ!

Двухъэтажный соборный домъ, къ которому они подѣхали, былъ окрашенъ въ темно-коричневый цвѣтъ. Неподалеку отъ него, на большой площади, огороженной желѣзной рѣшеткой, возвышался соборъ, зданіе большое, но неуклюжее и угловатое. Они расплатились съ извозчикомъ и вошли въ калитку, а потомъ поднялись во второй этажъ. Отецъ Гавріилъ Фортификантовъ занималъ весьма приличную и просторную квартиру въ соборномъ домѣ. По чину онъ былъ третьимъ священникомъ, и такъ какъ обыватели губернскаго города отличались богобоязненностью, то доходъ у него былъ хорошій. Гости поднялись по узкой деревянной лѣстницѣ, застланной парусниковою дорожкой, прошли обширный стеклянный коридоръ и вступили въ покои отца Гавріила Фортификантова. Уже изъ передней можно было замѣтить, что въ залѣ происходитъ нѣкоторое движеніе, но солидное, лишнее всякой суетливости. На порогѣ ихъ встрѣтилъ самъ отецъ Гавріилъ и сперва осѣнилъ Кирилла благословеніемъ, а потомъ уже обнялъ и трижды облобызалъ. Тотъ же часъ изъ гостиной вышла солидная матушка, Анна Николаевна, въ свѣтло-голубомъ капотѣ, съ наколкой на головѣ; она тоже поцѣловалась съ Кирилломъ. Въ этомъ домѣ говорили ему «ты» и обращались, какъ съ сыномъ. Уже со второго богословскаго класса онъ считался женихомъ Марьи Гавриловны. Конечно, такое довѣріе къ сыну бѣднаго сельскаго дьякона объяснялось особенными успѣхами Кирилла въ наукахъ. Уже тогда было извѣстно, что онъ поѣдетъ въ академію.

Сѣли. Разговоръ вертѣлся на подробностяхъ путешествія и нѣкоторыхъ городскихъ новостяхъ. Было уже часовъ одиннадцать—матушка пригласила къ завтраку.

— А гдѣ же Мура?—спросилъ Кириллъ:—Марья Гав-

риловна?—поправился онъ, вспомнивъ, что при родителяхъ онъ никогда еще такъ не называлъ ея.

— Она одѣвается!—сказала матушка, но Мура была одѣта. Матушка просто «выдерживала» ее, считая, что двѣницѣ неприлично выбѣгать навстрѣчу мужчине. Положимъ, онъ ея женихъ, но вѣдь два года они не видались. Мало ли какія могли произойти перемѣны?

«Когда же отецъ Гаврилъ начнетъ разспрашивать его?» трепетно думалъ дьяконъ. Онъ сильно рассчитывалъ на эти разспросы, самъ же не рѣшался начать ихъ. Онъ просто-таки побаивался сына, сознавая свое дьяконское ничтожество передъ его магистрантствомъ.

Въ столовую вошла Марья Гавриловна. Она поздоровалась съ Кирилломъ по-дружески, но чинно и сдержанно. Кириллъ нашелъ, что она возмужала и потолстѣла. У нея было довольно обыкновенное круглое лицо съ румяными полными щеками и живыми карими глазами. Густые черные волосы, тщательно причесанные, выросли въ длинную, толстую косу, спускавшуюся ниже пояса. Ея чинныя манеры очевидно были неискренни. Она вся зардѣлась и отъ волненія молчала. Ей хотѣлось прижаться къ своему любимцу, котораго она ждала съ такимъ нетерпѣнiемъ и теперь находила прекраснымъ.

— Такъ вотъ оно какъ, Кириллъ Игнатьевичъ. Ты первый магистрантъ духовной академiи! Честь и слава тебѣ!—промолвилъ отецъ Гаврилъ отчасти торжествующимъ тономъ, но, въ то же время, и съ отѣнкомъ легкой шутки.

У дьякона дрогнуло сердце. «Сейчасъ онъ объяснится», сообразилъ онъ, и вслѣдствiе волненія началъ ѣсть съ преувеличеннымъ аппетитомъ. Мура пристально взглянула на прiѣзжаго и съ своей стороны подумала: «какой онъ теперь, должно-быть, ученый!»

— Да, птица важная!—шутя, отвѣтилъ Кириллъ.

— А еще бы не важная? Большой ходъ тебѣ будетъ, очень большой ходъ!..

«Вотъ, вотъ начинается»,—думалъ дьяконъ.

Кириллъ промолчалъ на это. Но отецъ Гаврилъ рѣшился исчерпать всю тему и продолжалъ:

— Но какъ же ты безъ всякаго назначенiя? Развѣ имѣешь что-либо особенное?

— Ничего не имѣю, о. Гаврилъ. Вотъ весь передъ вами!

«Ага, ага, такъ и есть! Чудеса какія-то, истинно чудеса!»—размышлялъ дьяконъ и, боясь, чтобы сынъ не прочиталъ этихъ мыслей на его лицѣ, смотрѣлъ прямо въ тарелку.

— Это удивительно! Первый разъ слышу, чтобы первый магистрантъ и такъ вотъ... Ничего даже не предложили... Удивительно!..

— Какъ не предложили? Оставляли при академіи — самъ отказался!..

Послѣ этихъ словъ всѣ разомъ, и о. Гавріиль, и матушка, и Мура, и даже дьяконъ, положили вилки и ножи на столъ.

— Вотъ оно что!—пробормоталъ дьяконъ, но тутъ же испугался. Можетъ-быть, этого не слѣдовало говорить? Можетъ-быть, Кириллу это непріятно, обидно?

— При духовной академіи... И ты отказался! Да ты прямо безумецъ!—воскликнулъ о. Гавріиль.

— Именно, безумецъ!—подтвердила матушка.

Мура ничего не сказала. У нея только сжалось сердце отъ сожалѣнія: «Въ столицѣ жили бы?»—мелькнуло у нея въ головѣ. Жизнь въ столицѣ представлялась ей недо-стижимой мечтой.

— Что-жъ мнѣ дѣлать, если я люблю васъ всѣхъ, люблю свой теплый югъ, деревню, въ которой выросъ, и мужичка, который выкормилъ меня, и монахъ близ-кихъ!—серьезно и вдумчиво произнесъ Кирилль. — Вотъ я и пріѣхалъ къ вамъ. Любите, коли милъ вамъ!—при-бавилъ онъ.

Всѣ переглянулись, а о. Гавріиль сказалъ:

— Это похвально. Любовь къ родинѣ и къ ближнему— это превосходно. Но зачѣмъ же отказываться отъ того, что приобрѣтено трудомъ и талантомъ? Ты могъ пріѣхать къ намъ, повидаться съ нами и вновь уѣхать. И деревню увидѣть, и прочее. Но отказываться отъ профессорства, да еще гдѣ?—въ столичной духовной академіи — это прямо преступно.

— Преступно!—повторила матушка съ величайшей экс-прессіей.—Именно преступно!

— И при чемъ тутъ деревня!—продолжалъ о. Гаврі-иль. — Вѣдь все равно, не будешь же ты жить въ де-ревнѣ?

— Я буду жить въ деревнѣ,—твердо и отчетливо ска-залъ Кирилль. — Я буду сельскимъ священникомъ.

Эти слова поразили всѣхъ точно трубный звукъ. Въ первое мгновеніе никто не повѣрилъ. «Шутить!»—мелькнуло у всѣхъ въ головѣ, и всѣ подняли взоры на Кирилла. Кирилль сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, серьезный, сосредоточенный и блѣдный. Въ глазахъ его свѣтилась твердая воля и безповоротное рѣшеніе. Всѣ поняли, что это не шутка.

О. Гавріиль покраснѣлъ и, шумно отодвинувшись отъ стола вмѣстѣ со стуломъ, промолвилъ чуть не гнѣвно:

— Да ты пріѣхалъ издѣваться надъ нами!

— Я? Надъ вами?—съ глубокой и искренней скорбью въ голосѣ спросилъ Кирилль.

Матушка быстро поднялась съ мѣста и, принявъ гордую осанку челоуѣка, который оскорбленъ въ лучшихъ своихъ чувствахъ, промолвила:

— Моя дочь не для деревни! — и затѣмъ, обратившись къ Марьѣ Гавриловнѣ, прибавила повелительно:

— Марья, иди къ себѣ!

Кирилль тоже поднялся и, отойдя къ окну, сталъ въ полъоборота, повидимому разстроенный и потрясенный. Онъ исподлобья смотрѣлъ на свою невѣсту, ожидая, что она предприметъ. Мура повиновалась. Она чувствовала, что у нея сейчасъ потекутъ слезы, и, считая это для себя позорнымъ, поспѣшно повернулась къ двери и быстрыми, неровными шагами вышла. Матушка послѣдовала за нею. О. Гавріиль сидѣлъ съ краснымъ лицомъ и сдвинутыми бровями. Казалось, онъ хотѣлъ разразиться громовой рѣчью, но вмѣсто этого онъ вытеръ салфеткой усы, всталъ, перекрестился и, даже не взглянувъ ни на Кирилла, ни на дякона, послѣдовалъ за женой и за дочерью.

Дьяконъ сидѣлъ неподвижно, опутивъ голову и свѣсивъ руки. Онъ никакъ не могъ хорошенько взять въ толкъ, что такое передъ нимъ случилось. Въ головѣ его бродили отрывочныя фразы: «О. Гавріиль какъ разсердился!... И матушка! Первый магистрантъ! Сельскій священникъ... Господи, Создатель мой!» И онъ боялся поднять голову, чтобы не встрѣтиться со взорами сына.

Кирилль нѣсколько минутъ простоялъ у окна, потомъ энергично зашагалъ по комнатѣ, шума стульями, которые цѣплялись за его длинныя ноги. Пройдясь туда и обратно и какъ бы убѣдившись, что эта прогулка не представляетъ никакихъ удобствъ, онъ остановился за спиной старика и промолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Что жъ, отецъ, возьмемъ нашъ чемоданчикъ и махнемъ!

Дьяконъ вздрогнулъ.

— Какъ? Куда? Какъ же это? Значить, совсѣмъ, окончательно?

— Надо такъ думать!—съ горькой улыбкой сказала Кирилль!

— И тебѣ... тебѣ не жаль, Кирюша?—робкимъ и мягкимъ голосомъ спросилъ дьяконъ.

— Какъ не жаль? Жаль, больно мнѣ, сердце разрывается... Да вѣдь прямо же отказали!

— Отказали! — гробовымъ шопотомъ повторилъ старикъ.

Сколько разочарованія и разбитыхъ надеждъ заключалось для него въ этомъ словѣ! Въ жизни его были двѣ гордости. Первая—это его сынъ, который въ ученьи всегда былъ первымъ и даже въ духовной академіи отличился, первымъ магистрантомъ кончилъ. Вторая гордость — это предстоящее родство съ семействомъ о. Гавріила Фортификантова. Смѣлъ ли онъ, сельскій дьяконъ, бѣдный, незамѣтный, темный, состарившійся въ забвеніи, смѣлъ ли онъ мечтать о такомъ родствѣ! Мечта, однако, готова была осуществиться; онъ былъ бы принятъ въ домъ протоіерея и считался бы здѣсь своимъ человѣкомъ — и вдругъ!

Онъ послѣшно поднялся, застегнулъ шейную пуговицу своей поношенной ряски и съ покорностью отчаянія сказалъ:

— Пойдемъ, сынокъ!

Они вышли въ сѣни. Кирилль ступалъ твердо; у него стучало въ вискахъ и сердце билось неровно, но онъ зналъ, что иначе поступить не можетъ. Дьяконъ робко и неслышно сѣменилъ ногами. Двери во всѣ комнаты были наглухо закрыты. За ними не было слышно ни разговора, ни движенія. Они уже были въ стеклянномъ коридорѣ, когда дьяконъ спросилъ шопотомъ:

— Какъ же это? Не простившись? а?

— Не хотятъ!—глухо отвѣтилъ Кирилль и, прихвативъ чемоданъ, сталъ спускаться по лѣстницѣ. Дьяконъ замѣшкался. Онъ тихонько приотворилъ дверь въ кухню, поманилъ пальцемъ горничную и шепнулъ ей:

— Анюта, ежели будутъ освѣдомляться... мы на Московскомъ постояломъ дворѣ.

Анюта посмотрѣла на него съ изумленіемъ и заперла за нимъ двери, когда онъ спустился внизъ.

Молча дьяконъ заложилъ лошадеюкъ въ свою таратайку, подобралъ сѣно, свалившееся на землю церковнаго двора; молча они усѣлись и выѣхали на улицу.

Московский постоялый дворъ помѣщался на окраинѣ города. Подъѣзжая къ нему, Кирилль могъ бы вспомнить, какъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ они здѣсь останавливались всякій разъ, когда отецъ привозилъ его съ каникуль въ семинарію. На этомъ обширномъ дворѣ стояла ихъ телѣга, которая служила яслями для старой клячи. Обширный, довольно грязный и лишенный какихъ бы то ни было приспособленій «номеръ» остался все такимъ же, точно пятнадцать лѣтъ для него не проходили вовсе. Но Кириллу было не до воспоминаній. Войдя въ комнату и швырнувъ кое-какъ чемоданъ, онъ зашагалъ изъ угла въ уголь, да такъ энергично, что дьяконъ предпочелъ удалиться къ старому знакомому, содержателю постоялаго двора, и тутъ же сталъ выкладывать ему все, что накопило у него на душѣ.

— Знаете что, отецъ-дьяконъ!—сказалъ содержатель постоялаго двора, человекъ солидной комплекціи и положительныхъ правилъ.—Вы не обидьтесь, что я вамъ скажу: у вашего сына, должно-быть, что-то въ головѣ не въ порядкѣ. Повѣрьте, что такъ!

Дьяконъ обидѣлся.

— Ну, ужъ извините. У моего сына такая голова, что дай Богъ вашему сыну такую!—сказалъ онъ не безъ ядовитости.

— Мой сынъ будетъ содержать постоялый дворъ, зачѣмъ ему такая голова? А вашъ—переучился!... Знаете, у него умъ за разумъ зашелъ. Иѣтъ, вы не обижайтесь, отецъ-дьяконъ, я по сочувствію говорю!

Дьяконъ вышелъ отъ него совершенно разстроенный и, войдя въ свой номеръ, спросилъ убитымъ голосомъ:

— Завтра къ преосвященному пойдемъ, что ли?

Кирилль сѣлъ на протертомъ стулѣ и посмотрѣлъ на отца простымъ, дружескимъ взглядомъ.

— Присядьте, батюшка, потолкуемъ. Мы съ вами еще толкомъ и не побесѣдовали!—сказалъ онъ голосомъ, выразившимъ снокойствіе.

Дьяконъ поспѣшно присѣлъ на кровати, которая начала жалобно пищать подъ нимъ.